КАРИНА ВОЛОДИНА

Вампиры
никогда не играют
по правилам

Путь Безродного

Охотники за мирами

Карина Володина

Путь безродного

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володина К. С.

Путь безродного / К. С. Володина — «Эксмо», 2026 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-250414-3

Тёмные ритуалы, тайны рода Даскалу, подозрительные мотели с не менее подозрительными постояльцами и расследование, которое перевернёт жизнь героев с ног на голову, — Алин, Листер и Нила отправляются в охотничий роуд-трип по мрачной и непредсказуемой Трансильвании в поисках похищенного Ферки. Смогут ли они сыграть с загадочным вампиром по своим правилам — и остаться в живых?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250414-3

© Володина К. С., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. «Красный дворик» 6
Глава 2. Срочная доставка 18
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Карина Володина
Путь безродного

© Володина К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. «Красный дворик»

Телефон вибрирует без остановки. В машине, пробиваясь сквозь ревущий из стереосистемы румынский рок, снаружи, в такт захлопывающимся дверям, не успокаивается он и внутри скромного придорожного мотеля, заигрывающего как с американской традицией отделки «остановись на одну ночь и будь благодарен, что нет тараканов», так и с новодельной «вампирской» готикой дешёвого европейского образца для туристов.

Меня зовут Али́н Фуна́р, и я – потомственный охотник на вампиров. В обозримом будущем. Пока я только гордый обладатель широко известной в узких кругах родословной, прибывший к… возможному расположению одного из тех самых вампиров. Да, на этот раз история срывается сразу с места в карьер. Никаких разглядываний охотничьих академий, разрушающихся под тяжестью времени и внушительного чувства собственной значимости директора. Никаких встреч с пресловутым директором, будущими однокурсниками, никаких косых взглядов на всех подряд моей сестры… Директор и однокурсники, как и моя сестра, как и вся моя семья, узнали о моём внезапном изменении планов на летние каникулы пару часов назад – вот почему связаться со мной сейчас, судя по ощущениям, пытается половина Румынии, большая часть остального Евросоюза и наша солидная американская диаспора.

Я бегло проверяю телефон.

«АЛИН, ЭТО НЕ СМЕШНО», – вижу я мгновенно сообщение от То́мы. На самом деле Тома могла бы больше ничего не писать: все пятьдесят с лишним её сообщений придерживаются примерно той же мысли и риторики. Разве что слегка меняются степень накала страстей и выбор регистра букв: от поразительно нейтрального «Алин, перезвони мне, пожалуйста» до яростного «АЛИН, Я НЕ ЗНАЮ, О ЧЁМ ТЫ ДУМАЕШЬ, НО КЛЯНУСЬ БОГОМ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ОТВЕТИШЬ НА ВСЕ МОИ ВОПРОСЫ СЕЙЧАС ЖЕ, Я УЗНАЮ, ГДЕ ТЫ, И ТВОЙ ЧЁРТОВ ЛИСТЕР ПОЖАЛЕЕТ, ЧТО ВООБЩЕ РОДИЛСЯ НА СВЕТ».

Я могу понять её возмущение, но почему гнев небес обрушится именно на Ли́стера, остаётся для меня загадкой. Кажется, я ясно дал понять маме (единственной, за исключением, может быть, Ивóны, чей разговор со мной не превратился бы в трагикомедию в лучших традициях древнеримского театра), что решил отправиться на некую загадочную «летнюю стажировку по сбору ингредиентов для охотничьей сыворотки с мастером Даска́лу» исключительно по собственной инициативе и велению сердца.

Сам мастер Даскалу, впрочем, посмотрел на меня после этого разговора как на полного идиота.

«Серьёзно, Алин? – только и спросил он. – И это лучшее, что ты придумал своей гениальной Фунарской головой? Воистину, я зря не хотел брать тебя с собой. Судя по текущей демонстрации твоей смекалки, столкновение с вампиром тебе не грозит – ты просто пройдёшь мимо него и попытаешься загнать в Кровавик какого-нибудь бедного бармена в этом чёртовом «Красном дворике». Да, если что, они все носят накладные клыки. Рабочий дресс-код. Ты уж попридержи себя, не хватайся за клинки с порога».

Да, возможно, в моей легенде есть пара логических дыр.

Или не пара.

Во-первых, «мастер Даскалу», несмотря на все его периодические разногласия с семьёй, должен был буквально помешаться, чтобы согласиться взять меня на «сбор ингредиентов для охотничьей сыворотки»: её рецепт – тщательно охраняемый секрет, известный только самим Даскалу и узкому кругу доверенных лиц, участвующих в её производстве, и ни один Фунар в их число не входит.

Во-вторых, я даже не знаю, занимается ли этим священным сбором сам Листер. Может, он просто получает сакральное сырьё для своих экспериментов через третьи руки.

В-третьих, я никогда не проявлял к сыворотке особого интереса – ни к процессу её создания, ни, боже упаси, к процессу применения. Это можно легко проследить по кое-как натянутому мне Листером «удовлетворительно» по смежному предмету – на том экзамене я уж точно не блистал.

В-четвёртых, в академии нет «летних стажировок».

Или практик.

И вообще ничего, связанного с тремя единственными каникулярными месяцами.

И наконец, в-пятых: даже если бы удивительным образом выстроились в один безумный ряд все звёзды, даже если бы Листер действительно сошёл с ума, пригласив меня на собственноручный сбор… неизвестно чего (боже, я даже не знаю, нужно ли это собирать), начхав на все родовые тайны, мои скромные познания в предмете и то, что все совместные выезды с инструкторами ограничиваются исключительно учебным годом, – даже если бы Листер решил таким образом подтвердить свою репутацию экстравагантного сумасброда, все, кто меня знает, сошлись бы в одном: я бы никогда в жизни не согласился на подобное и уж тем более не уведомил бы всех за пару часов до отъезда в бухаре́стский аэропорт, откуда мне предстояло наконец-то вылететь в родную Луизиа́ну.

Почему же я не придумал что-то поизящнее?

Да потому что мне уже было плевать. Да и сейчас, в общем-то, плевать.

Плевать, что подумает Тома. Отец. Лазаре́ску, с которым, я уверен, успел связаться отец – и который, я уверен, даже не в курсе, что я покинул территорию академии. Отец с мастером Хэ́нриком в красках продемонстрировали своё отношение ко мне во время нашей великолепной встречи в Кровавике – Тома… снова захлебнётся в ярости, недоумении, разочаровании и попытках вернуть меня на путь истинный всеми возможными способами. В основном, конечно, свирепыми сообщениями в мессенджерах. Выходила ли Тома из этого состояния хоть раз за последние месяцы? Возможно – когда, например, отправила ненавистного ей Фе́рку в больницу на охотничьих смотрах. После них, в кабинете директора, она выглядела вполне довольной.

Пожалуй, единственные, чьи мысли меня волнуют, – это род Даскалу. К чьему теоретическому (но, к счастью, не фактическому) наследнику я так самовольно записался на сбор ингредиентов на неопределённый летний срок.

«О, да брось, Алин, – поморщился Листер. – Мой отец считает идиотами всех, и мы с тобой не исключение, но в эту чушь он не поверит ни за что. Конечно, его заинтересует, зачем я прихватил с собой Фунарского принца, учитывая, что летом я охочусь в одиночку и никогда не беру с собой студентов… Но это уже его вопросы ко мне – на твоём месте я бы лучше поразмыслил, как прикрутить к твоей бесколёсной телеге низкокачественной брехни хоть одно колесо, чтобы она могла худо-бедно функционировать. Иначе далеко ты не уедешь, и твоё путешествие имеет все шансы закончиться… скажем, следующим утром. Или сколько там нужно времени, чтобы добраться бизнес-классом из Луизианы в Бухарест?»

Красный «Порше» Листера уже припаркован у «Красного дворика». Красные шнурки на охотничьих ботинках, красное марево дешёвых пластиковых наддверных фонарей-горгулий в свежих лужах, красная неоновая вывеска над входной дверью – «Мотель-кафе» и, зачем-то, ещё две отдельные, но такие же красные и неоновые: просто «Кафе» на самой двери и «Мотель», протянувшаяся через весь второй этаж между номерами. И, конечно же, само название этого замечательного заведения, «Красный дворик», прилепленное объёмными световыми буквами уже на крыше. Всё это как-то…

…как будто мы приехали сюда не по подсказке загадочного вампира, затеявшего со мной, по словам Листера, смертельную игру, а для съёмок малобюджетного студенческого фильма, чтобы хоть как-то закрыть накопившиеся за семестр прогулы. Здание выглядит слишком нелепым в своих попытках отдать дань румынскому колориту (заключающемуся для туристов, судя

по дизайнерским решениям владельца, исключительно в наличии в Румынии вампиров) и в то же время не отпугнуть тех, кому действительно нужно просто переночевать. Оно словно создано для филлерных эпизодов американских подростковых сериалов, в которых герои останавливаются на выездной экскурсии в некоем *загадочном странном отеле,* и в нём начинают происходить некие *загадочные странные вещи.* Я не удивлюсь, если за стойкой нас встретит *загадочная странная старушка,* на стенах второго этажа будут висеть *загадочные странные портреты,* датированные разными годами, но изображающие одну и ту же женщину, *странно похожую* на пресловутую старушку, а…

– Алин. – Листер оборачивается через плечо. – Ты идёшь или как? Нет, я только за, если ты наконец понял, какой хернёй страдал всё это время, и просто не знаешь, как деликатно попросить меня отвезти тебя в аэропорт… Кстати, ты всё ещё успеваешь. Если я нарушу пару правил дорожного движения, за которыми здесь один чёрт никто не следит, у тебя даже будет время побродить по дьюти-фри в поисках примирительных презентов для папы Фунара и маленькой Томы.

Листер уже стоит у входа, и кровавое сияние неона со всех сторон причудливо падает на его лицо, словно он решил надеть соответствующую случаю маску. На нём неизменная коричневая охотничья куртка, в глазах – неизменная насмешка, а горло даже не прикрыто водолазкой, которая должна скрывать защитный нашейник, – да его и нет, этого нашейника. Как нет и смены алой шнуровки на ботинках на обычную чёрную – стандартная мера предосторожности для потомственного охотника, действительно выехавшего в поле. Конечно, не все полнокровные вампиры разбираются в тонкостях цветового этикета нашего ремесла, а цветной шнуровкой в наши дни никого не удивишь, но это просто хороший тон.

– Листер, – говорю я. – Я очень надеюсь, что это не очередной фарс ради фарса. Ты не избавишься от меня, просто привезя не в то место.

– А жаль, – отвечает Листер. Нетерпеливо барабанит пальцами по грубому дереву почему-то зелёной двери. А как же красный? – Но место то самое, можешь не сомневаться. Хотя нет, лучше посомневайся, вот прямо здесь – я как раз спокойно зайду, спокойно со всеми поговорю, спокойно узнаю, что же приготовил для тебя твой замечательный вампир…

– С чего ты взял, что нам нужно именно сюда? – задаю я вопрос, который задавал уже не раз и не два. – Если это сеть мотелей… закусочных… кафе… «мотелей-кафе»… тогда почему ты выбрал именно эт…

Листер закатывает глаза и распахивает дверь, не тратя больше на меня ни слов, ни времени.

Вместо звонка дверь издаёт долгий, явно предзаписанный стон, смутно напоминающий вой то ли ветра, то ли волка. А может, хозяин решил, что так звучат горгульи, которых он столь щедрой россыпью разместил и над этим входом?

Мне приходится ускорить шаг, чтобы не остаться на парковке в одиночестве: ждать меня Листер определённо не собирается.

Ничего *загадочного* внутри не оказывается. Никаких старушек за стойкой регистрации – да и вообще никаких намёков на эту возможную регистрацию.

Зато фарса, которого я так опасался, в избытке.

Кафе – а мы попадаем именно в кафе, «мотелем» здесь и не пахнет – лениво встречает нас тусклым красным светом единственной утопленной в потолке лампы. Лампа не очень-то и старается, и в сгущающихся вечерних сумерках открывшийся нам интерьер можно было бы назвать зловещим – если бы он не был всё так же несочетаем с самим собой и даже с молодым человеком, немедленно вскидывающим на нас глаза от кассы.

– Добрый вечер! – говорит молодой человек по-английски и почти без акцента. – Добро пожаловать в «Красный дворик», дети ночи!

О боже.

Во рту молодого человека действительно фальшивые вампирские клыки, но пугают они не натуральностью, а размером и материалом – это явно дешёвый пластик, норовящий вот-вот вывалиться у юноши изо рта из-за своих титанических габаритов. Волосы юноши, как и всё вокруг, тоже, кажется, никак не могут определиться, что же они из себя представляют: тонна вылитого на них средства для укладки где-то зализала их приглаживающей волной, где-то, наоборот, взбила девятым валом, а где-то попыталась изобразить элегантный мягкий гребень.

Ещё молодой человек в чёрном фраке с подметающим пол плащом – из тех, что покупают в последнюю минуту на «Амазоне», когда тебя внезапно зовут на вечеринку в честь Хэллоуина, а твой прошлогодний костюм мал или пришёл в негодность.

Я рассеянно скольжу взглядом по сторонам.

Кафе обставлено в лучших традициях… кафе. Этакая американская придорожная забегаловка, в которые мы нередко заходили с Томой во время наших самостоятельных вылазок на родине – и которые я никак не ожидал увидеть в Европе. С одной стороны – длинная барная стойка с высокими табуретами, с другой, там, где должны располагаться по какой-то причине отсутствующие окна, – ряд красных кожаных диванов, каждый со своим прямоугольным пластиковым столиком. Я даже замечаю в углу музыкальный аппарат.

Однако всё свободное пространство на стенах занято не ретро-постерами, поддерживающими эту атмосферу сладкой американской ностальгии, а огромными, вполне современными плакатами на всё ту же готическую тематику – разумеется, с преобладающими вампирскими клыками, плащами и сочными векторными брызгами крови.

Да и мебель, если присмотреться, тоже поражает воображение.

Искусственная кожа диванов испещрена наклейками-«прорезями», не слишком искусно имитирующими пробившуюся из полос «когтей» желтизну поролонового наполнителя. Пластик столов гордо красуется принтом дубового дерева. Музыкальный аппарат тоже покрыт какими-то наклейками, подозрительно напоминающими очертания летучих мышей. На маленьком телевизоре над головой у юноши во фраке расхаживает чёрно-белый Дракула, а ещё один Дракула, уже ростовой, стоит у начала ведущей на второй этаж лестницы.

– Листер, – цежу я.

– Бунэ сеара[1], – очаровательно улыбается Листер юноше. – Хэллоуин пе тот паркурсул анулуй, а[2]?

На лице юноши появляется странное облегчение.

– Ну май спунець[3], – выдыхает он – и больше не произносит ни слова по-английски.

Юношу зовут Дари́ус, ему двадцать пять, и он работает в этом чудесном месте уже семь лет. Звучит жутковато – гораздо жутче, чем все дизайнерские ухищрения владельца «мотеля-кафе».

Этот «Красный дворик» находится в получасе езды от замка Бран – в неких «туристических буклетах», которые упоминает Дариус, даже утверждается, что со второго этажа можно разглядеть очертания самого замка, но Дариус категорически заявляет, что это ложь. Ну, может быть, в бинокль. В очень хорошую погоду. И с какого-нибудь другого второго этажа, потому что со стороны мотеля замок вообще-то надёжно закрыт горой.

В общем, ушлый хозяин – вернее, хозяйка, которую Дариус называет «домнишоа́ра Ре́тсилл» и никак иначе, – решил извлечь из местоположения мотеля максимум пользы.

– У нас много тематических заведений, – без особого энтузиазма говорит Дариус. – И большинство из них с каким-нибудь… подвывертом. Прямо у Бра́шова у нас «Чёрный дво-

[1] Bună seara. – Добрый вечер (*рум.*).

[2] Halloween pe tot parcursul anului, a? – Хэллоуин круглый год, а? (*рум.*)

[3] Nu mai spuneţi. – И не говорите (*рум.*).

рик», в честь Чёрной церкви. Ну, вы, наверное, знаете, что это такое. Ещё у нас есть «Весёлый дворик», рядом с Весёлым кладбищем, недалеко от Сэпынца. А ещё…

Этот «Дворик», естественно, посвящён вампирам – как, в сущности, и с удовольствием эксплуатирующий эту тематику замок Бран, где якобы жил Влад Цепеш, якобы бывший вампиром.

– Домнишоара Ретсилл выступает за продвижение румынской культуры, – заученно объясняет нам Дариус. – И делает всё возможное, чтобы подарить нашим гостям незабываемые впечатления и усилить эмоции от достопримечательностей, которые они только что посетили или планируют посетить. К сожалению, у нас сейчас небольшие проблемы с «Монастырским двориком» возле монастыря Хорезу из-за недопонимания со стороны Рымникской епархии и с «Двориком Чаушеску» под Бухарестом из-за… скажем так, отсутствия чувства юмора у некоторых социальных групп… Да и этот «Дворик» на самом деле не «Красный», а «Кровавый», но мы пока не можем изменить название во избежание путаницы – в километре отсюда уже есть другой «Кровавый дворик». Впрочем, домнишоара Ретсилл говорит, что он скоро обанкротится, она уже работает над этим.

Дариусу явно очень скучно: судя по катастрофическому отсутствию не только посетителей в кафе, но и машин на парковке, гениальное детище не менее гениальной домнишоары Ретсилл дышит на ладан. Не знаю, как обстоят дела с «Двориком» конкурентов, но кажется, что на грани разорения далеко не он.

– Мы ищем… – начинаю я, уже слегка устав от перечисления всевозможных «Двориков» и их связей с культурными жемчужинами Румынии.

И замолкаю буквально на секунду – просто доставая из куртки телефон, чтобы показать Дариусу фотографию Ферки.

– …Комнату на пару ночей, – мгновенно договаривает за мной Листер, продолжая озарять Дариуса ослепительной улыбкой. – Начнём с одной, закончим, возможно, целой неделей – кто знает? Но сейчас мы хотели бы просто переночевать. Здесь же есть свободные комнаты, верно?

И тут я запоздало понимаю ещё одну вещь: Листер не под сывороткой. Не в статусе вампира, хотя, казалось бы, сыворотку он использует даже во время тренировок с нашим дружелюбным вампиром Константином, самым мирным и доброжелательным из всех известных мне малокровников.

Нехорошее предчувствие во мне усиливается.

– Я бы всё-таки хотел спросить… – упрямо цежу я.

– Я проверил цены на сайте, Алин, не волнуйся, – вновь вставляет Листер, даже не взглянув на меня. – Нам подойдёт любой вариант. Но мы были бы очень признательны за угловой. Или любой с окном – я заметил, что в некоторых домнишоара Ретсилл решила окнами пренебречь. Очень аутентично. Настоящий средневековый замок – только бойниц не хватает.

– Угловой… – бормочет Дариус. – С окнами… Свободные комнаты… Да, да, надеюсь, что-нибудь найдётся. Понимаете, у нас сейчас аншлаг, всё забито, боюсь, что комнат может и не быть…

Дариус возится с телефоном, что-то быстро там проматывая, зарывается свободной рукой в волосы, превращая их в нечто ещё более неимоверное, чем они были. Отросшие чёрные корни, выцветшая неопрятными пятнами зелёная краска – где-то совсем светлая, где-то почти сохранившая первоначальный оттенок. Почему-то эта неопрятность сразу напоминает мне о Ферке – и я не выдерживаю.

– Вы видели этого человека? – сую я телефон Дариусу прямо под нос, вырывая руку из хватки Листера и перегибаясь через стойку. – Его зовут Ферка. Ферка Ву́льпе. Вероятно, он был здесь не один. Возможно, не в самом лучшем состоянии. Вот ещё одна фотография, здесь лучше видно его лицо. Он был здесь?

Дариус моргает несколько раз. Растерянно щурится. Зачем-то отходит от моего телефона на шаг, присматриваясь. Затем шагает обратно.

– Он?.. – неуверенно тянет Дариус. Смотрит на меня с обезоруживающим чувством вины в глазах. – О, домну́ле, понимаете… здесь сейчас много молодёжи. И все они примерно… такие. Ну, знаете, с длинными волосами, в белых рубашках… и не только рубашках…

«О чём, чёрт возьми, ты говоришь? – чуть не перебиваю его раздражённо я. – Какой аншлаг, какая молодёжь? *Где* – может, они все на втором этаже, вместе со своими машинами? Или ваша благословенная домнишоара Ретсилл устроила здесь подземную парковку?»

Дариус, видимо, читает все эти вопросы в одном моём взгляде.

– У нас же ежегодная летняя вампирская конвенция, – поясняет он с лёгким смущением – но и с некоторой гордостью в голосе. – Ну, не совсем у нас, в Брашове, но мы являемся официальными партнёрами мероприятия. Большинство посетителей останавливаются в нашем «Дворике», не смотрите, что парковка пустует, – они возвращаются позже, к ночи или к утру. Вампирская конвенция же не может проходить днём, верно? А те, кто не на конвенции, ещё не приехали с охоты.

– На кого?.. – моргаю я.

– На животных, – отвечает Дариус озадаченно. – На кого же ещё? В основном на медведей. Здесь много медведей. И серны, но они менее популярны.

– Разве в Румынии не запрещена охота на медведей? – только и спрашиваю я.

В глазах Дариуса мелькает опасение.

– О… э… вы подумали, что я говорю о настоящей охоте, домнуле? Нет, нет, нет, я имел в виду фотоохоту.

– С фоторужьями, – понимающе кивает Листер. – Алин, ну что за негативное мышление? Ни один медведь не пострадает – уверен, домнишоара Ретсилл позаботилась и об этом.

– Да, да, – с облегчением кивает и Дариус. – Фоторужья. Исключительно фоторужья. Знаете, боюсь, к сожалению, я только что проверил, и свободных комнат н…

– Мы и сами своего рода охотники, – перебивает его Листер с такой всепоглощающей лаской и дружелюбием, что у меня сводит зубы. Впрочем, сладкая патока в голосе не мешает Листеру вцепиться в моё запястье предупредительным железным хватом. – Фотоохотники, конечно же. И фоторужья тоже с нами, если вы понимаете, о чём я, Дариус. Правительство иногда придумывает такие нелепые законы – ну зачем им эти медведи, правда? Агрессивные, грубые, опасные животные. Так и хочется их… сфотографировать.

– О. – Дариус заметно расслабляется. – Ну, если вы тоже *фотографы,* думаю, я могу ещё раз проверить номера – всё-таки места у нас действительно замечательные, и ваши коллеги не зря приезжают сюда уже много лет подр…

– Не поздновато ли для фотоохоты? – интересуюсь я. – Кажется, вот-вот стемнеет окончательно. Или наши *коллеги* – адепты ночной фотосъёмки?

Дариус напрягается вновь. Листер сжимает мою руку так, что на ней наверняка останутся следы от его ногтей, – но я просто снова её вырываю. Поклонники вампирской культуры, все испарившиеся в мгновение ока, как только тут оказались мы. Местные браконьеры, до поздней ночи устраивающие засады на медведей – и тоже исчезнувшие в лесу без единого намёка на пребывание здесь. Очень интересный, разношёрстный и при этом обладающий поразительно общими биоритмами контингент. Я не верю в существование ни первых, ни вторых.

– В лес есть только один съезд, домнуле, – натянуто улыбается Дариус. – И выезд тоже только один. Очень длинный. Наши гости, должно быть, как раз в пути. Позвольте мне… – Он опять утыкается в телефон, делая вид, что что-то проверяет, но я вижу, что он даже не перешёл с экрана заставки. – О, какая жалость – последний номер забронировали прямо сейчас.

– Алин, – говорит Листер с обманчивой мягкостью. – Кажется, я оставил бумажник в машине. Ты не мог бы за ним сходить?

– Номеров нет, домнуле, – быстро говорит Дариус. – Сожалею, но, боюсь, бумажник вам не понадобится. Могу порекомендовать вам «Чёрный дворик» в Брашове – это недалеко, вы доберётесь туда всего за…

– Мы в любом случае воспользуемся услугами кафе, раз уж нам недоступен мотель, – мягко мурлычет Листер. – Немного перекусим, прежде чем отправимся в путь… Если этот путь вообще будет. Почему-то мне кажется…

– Да, почему-то мне тоже кажется, что… – хмуро начинаю я.

Листер прожигает меня даже не предупреждающим – уничтожающим взглядом.

– Любит поболтать, – поясняет он Дариусу, стискивая моё запястье в третий раз. Теперь вырваться я не могу, как ни стараюсь. – Вот только болтает о всякой ерунде… *Алин, ты вышвырнешься отсюда сейчас же и не вернёшься, пока я сам за тобой не выйду. Ты меня понял?*

– *Нет,* – огрызаюсь я тем же еле слышным шёпотом, которым шипит мне на ухо Листер.

И на шёпоте Листер не останавливается, начиная волочь меня к выходу.

– *Нет,* – повторяю я упрямо, пытаясь сбавить темп. – *Ты что, не видишь, что, чёрт возьми, здесь происходит? Хочешь просто снять тут комнату, лечь в кровать в форме гробика и проснуться в настоящем гробу, потому что какой-то полнокровный ублюдок высушил тебя досух…*

– *О, я крайне хочу снять тут комнату именно из-за того, что исключительно хорошо вижу, «что, чёрт возьми, здесь происходит»,* – парирует Листер, и с приглушённым горгульим стоном распахивает перед моим лицом дверь.

– Подыши свежим воздухом, – бросает Листер и выталкивает меня наружу. – И, кстати, в гробах не просыпаются, если ты не знал, Алин. Они для тех, кто больше на это не способен. Можешь погуглить, потратить свободную минутку на самообразование.

Дверь снова стонет, закрываясь и одаряя меня напоследок шлейфом чёртового Листеровского одеколона.

Я не захожу обратно в ту же секунду только из-за того, что меня отвлекает долгая вибрация телефона, и я по привычке бросаю взгляд на экран, проверяя, кто это. Микроскопическая задержка. Казалось бы, что можно сделать за такое время?

Ну, судя по звукам, оперативно подхватить барный стул и подпереть им дверь изнутри.

– Листер. – Я дёргаю дверную ручку. – Листер!..

Тишина.

Из-за полного отсутствия окон на первом этаже я даже не могу хотя бы увидеть, чем Листер там занимается. Не то чтобы это было тайной за семью замками и одним блокирующим вход барным стулом – пытается вытрясти из Дариуса мистически появляющуюся и исчезающую комнату, чем же ещё, – но то, что он просто вышвырнул меня из этого кошмара дизайнера, как какого-то буйного пьяницу…

От злости я обхожу мотель кругом – сам не зная зачем, возможно, всё-таки надеясь найти хоть одно окно. Вместо окон обнаруживается полное отсутствие какого-либо дорожного покрытия, хлюпающая под ногами слякоть да испускающие миазмы мусорные баки – прямо под выходом на общий балкон одного из угловых номеров на втором этаже. Баки переполнены, а из одного из них даже вывалилась пара пакетов. Что ж, вероятно, какие-то «гости» здесь всё же обитают – не может же создавать столько грязи один Дариус?

А может, сюда просто не доезжают мусоровозы. «Дворик» с трёх сторон окружён диким трансильва́нским лесом, а дорога к нему покрыта такими рытвинами и колдобинами, что становится ясно сразу: никакие «туристы» ею для поездок в замок Бран не пользуются.

Звонила мне Ивона. При других обстоятельствах я бы ответил без промедления или хотя бы перезвонил – но сейчас это может быть чревато не самыми благоприятными последствиями. В лучшем случае за спиной Ивоны стоит Тома, в худшем – отец. Я не хочу втягивать Ивону в

эти игры: я слишком хорошо знаю её характер, и вряд ли она решила бы связаться со мной по собственной воле, чтобы утопить меня в отговорах и бесконечных прощупывающих вопросах.

Отлично. Бездонный семейный омут, и так не слишком спокойный после моих предыдущих приключений, превратился в бешеный водоворот, наспех придуманная отговорка о каникулах в Румынии, конечно же, никого не убедила, безумный «Красный дворик», куда нас привела записка вампира, больше походит на очередное издевательство, чем на игру равных, Листер выставил меня за дверь, а мою одежду заливает дождь.

И что дальше?

Дальше я, к своему удивлению, вижу, что к «Дворику» действительно кто-то подъезжает.

Морось дождя размывает свет фар, превращая машину в один загадочный серебристый сгусток. Судя, однако, по размерам и манере движения, это внедорожник или кроссовер, как у Листера: автомобиль преодолевает все местные выбоины с невозмутимым достоинством, почти не вздрагивая.

«Фотоохотники»? Слишком уж хорошо подобранное средство передвижения для участников «вампирской конвенции». Если среди них вообще есть румыны, а не приезжие, пользующиеся исключительно такси.

– О, наконец-то, – слышу я голос Листера сразу за знаменующим открытие двери воем.

Мусорные баки остаются далеко позади; я подношусь к Листеру так стремительно, как, наверное, не перемещался ни на одном из занятий физической культурой у непревзойдённого мастера (простите, *мистера*) Бе́ттерса Кю́ля.

Листер смотрит на меня с озорной усмешкой. Слишком довольной для появления обычных постояльцев. Я хочу высказать ему всё, что о нём думаю, но усмешка эта сбивает меня с толку и одновременно втрое усиливает мои подозрения.

– Кто это? – хмуро спрашиваю я вместо всех обличений. – Ты сюда кого-то вызвал? Это… Кюль?

Про Кюля я ляпаю наугад – просто потому, что никак не могу выбросить из головы слишком свежие воспоминания о его потрясающих занятиях.

Листер давится смешком.

– Да ладно, Алин, – отвечает он с насквозь неискренней невинностью. – Думаешь, ситуация требует столь радикальных мер? Нет, это не Беттерс. Хотя это было бы забавно. Но надеюсь, на такое она пока не способна.

– Кто – «она»? – хмурюсь я ещё больше. На ум приходит только Алекса́ндра Гросс – но она, вроде бы, не входит в великую троицу периодически сопровождающих Листера преподавателей-практиков.

– Увидишь, – просто говорит Листер.

– Листер…

Машина останавливается. Продолжение застревает у меня во рту: распахивается пассажирская дверь, и в красные отблески неоновых вывесок и промозглую сырость грязной дороги ловко спрыгивает изящная женская фигура.

С алыми шнурками на ботинках.

Я смотрю на эти ботинки долго. Достаточно долго, чтобы их владелица подбежала ко мне почти вплотную, точно вымеренным шаффлом минуя все наводнившие землю лужи.

Затем я поднимаю глаза – как раз в тот момент, когда открывается вторая дверь.

– Ивона! – с недовольным беспокойством окликает мою старшую сестру мужской голос. – Каре э грабэ? Ну плякэ никэйерь! Спер кэ да[4].

– Э ин регулэ[5], Гаа́лен! – отвечает ему с лёгкой улыбкой Ивона.

---

[4] Care e grabă? Nu pleacă nicăieri! Sper că da. – Куда ты так летишь? Он никуда не убежит! Надеюсь. (*рум.*)

[5] E în regulă. – Всё в порядке (*рум.*)

И утягивает меня в объятия.

Я молчу. В моей голове что-то с треском ломается. От Ивоны пахнет хвоей и ванилью, её любимыми духами, которым она не изменяет уже лет пять. На Ивоне тонкое летнее платье, слишком лёгкое для такой погоды – видимо, поэтому Гален, младший брат Листера, выскакивает из машины за ней, торопливо снимая куртку и даже не выключая двигатель и фары.

И, самое главное, Ивона почему-то *здесь*.

Такое быстрое перемещение из Соединённых Штатов в Румынию просто не предусмотрено законами физики и технологическими возможностями человечества – если только Ивона не села в ракету или не изобрела телепортационное устройство. Я нервно вглядываюсь в машину из-за закрывающих мне обзор Ивониных густых чёрных волос – не буравит ли меня с заднего сиденья тяжёлым взглядом какая-нибудь Тома, – но в машине больше никого нет.

Гален быстро бормочет что-то на совсем уж разговорном и неразборчивом румынском, поспешно отстраняет от меня Ивону и набрасывает ей на плечи свою куртку.

– Ивона, – тупо говорю я. – Гален. А как…

– Сюрприз, – насмешливо тянет за моей спиной Листер.

– Дерьмо твой сюрприз, – безапелляционно заявляет Гален всё так же на румынском – это я уже могу разобрать. – Ещё позже написать не мог? Мы только вытащили из машины Ни́лу, которую по какой-то причине вместо тебя доставил твой Михала́ке – кстати, поганая была идея, потому что она чуть не смылась от него раз пять, – и ты тут же подорвал с места Ивону. Отец очень заинтригован всей этой хернёй, которую вы затеяли. Надеюсь, вы придумали за это время для него что-нибудь получше версии для Фунаров.

– Он просит называть себя Кюлем, а не Михалаке, ты же знаешь, – спокойно отвечает Листер. – Что ж, значит, папа в шоке? Или пока в вежливом недоумении?

– Папа на шаткой грани между индифферентным любопытством и срочным визитом, – внезапно ухмыляется Гален. – Бала ты с ним избежал, молодец, но теперь весь твой прогресс висит на очень тонком волоске. Советую не доводить до преждевременных встреч, даже на нейтральной территории.

– Что, чёрт возьми, происходит? – спрашиваю я по-английски.

На меня переводятся три пары глаз – и только Ивона смотрит на меня без сочувственной иронии.

– Алин, пару часов назад мне позвонила… – начинает она.

– Мой брат слил твоей сестре твоё местонахождение, – лаконично перебивает её Гален. – И вот мы здесь. Что ещё может происходить? Я говорю, тебе бы лучше подумать, как ты собираешься…

– …Тома, и она была в очень… странном состоянии, – продолжает Ивона, не обращая на Галена внимания.

– «Странном»? – поднимаю брови я. – Или стандартном для такого рода ситуаций?

Ивона улыбается краешком губ.

– Да, наверное, стандартном, – соглашается она. – Странным было скорее то, о чём она говорила. Что-то о том, что ты сошёл с ума… Ладно, это тоже вполне стандартно. Но из её слов я поняла, что ты отказываешься ехать домой, «саботируешь самолёт» и вообще проведёшь всё лето в Румынии. Я сначала подумала, что это из-за меня, и это было бы логично – зачем тебе мотаться туда-сюда несколько раз, – но она утверждала, что ты экстренно поехал на какую-то «практику» с Листером, а мы все знаем, какой практикой Листер занимается во время летних каникул… Потом мне позвонил отец, и…

Я тяжело вздыхаю.

– Ну, я точно не говорил про *всё* лето, – замечаю я. – И, кажется, довольно ясно выразил суть своей практики – никаких охот на полнокровников, если Тома имела в виду это. В ней иногда просыпается необыкновенный талант зацикливаться на общей картине и не замечать

деталей. Кстати, о деталях. А *зачем* мне мотаться туда-сюда несколько раз, и почему это из-за тебя? И почему ты вообще здесь?

Во взгляде Ивоны появляется лёгкое удивление. Гален хмыкает.

– Что, никаких идей? – лениво спрашивает Листер, многозначительно глядя на ботинки Ивоны.

Ботинки Ивоны. С красной шнуровкой – цвет Даскалу, не наш Фунарский синий. Неделю назад на летнем балу в академии Ивона с Галеном потрясли всё охотничье сообщество новостью о своей помолвке – неожиданностью даже для меня, хотя, если честно, будь я сам чуть внимательнее к деталям, в игнорировании которых упрекал Тому, это не стало бы для меня сюрпризом.

– Вы уже… – моргаю я.

Улыбка Ивоны становится мягче и шире.

– Нет, Алин, драга[6], что ты, – весело отвечает она. – Неужели ты думаешь, что кто-то позволит нам пожениться без обязательного съезда всех заинтересованных? Это… так.

– Что – «так»? – Мои брови ползут выше.

Цвет шнуровки – сакральный в нашем обществе элемент, и с ним не принято легкомысленно играться, примеряя по своему усмотрению – даже если вы вот-вот обменяетесь кольцами и один из вас действительно присоединится к чужой семье. Особенно это непристойно в родах первого порядка, к которым относятся и Фунары, и Даскалу. Смена шнуровки невесты женихом – целая традиция, торжественная и символическая, и заниматься этим до свадьбы… ну, примерно то же самое, что и в некоторых культурах – сексом. У нас, к счастью, такого табу нет, но шнуровка – это святое.

Гален снова хмыкает, глубоко и довольно. Гален одного роста со мной, на целую голову выше совсем не миниатюрной Ивоны, выше Листера – и я вдруг впервые замечаю, что на фоне пышущего здоровьем и полным душевным удовлетворением младшего брата Листер, несмотря на поразительное сходство, выглядит… как-то не так. У Галена нет тёмных кругов под глазами, скулы не заострены худобой, а в сизых глазах не скользит вечная усталость, прикрываемая чем угодно, но всё равно пробивающаяся наружу. Гален шире в плечах, его пшеничные волосы ухожены и обрамляют лицо такими гармонично-небрежными прядями, что становится ясно – без укладки не обошлось. Я видел подобные различия между близкими родственниками и раньше: легко определить, кто из них практикующий охотник, а кто живёт своей лучшей жизнью высокородного домнуле, в последний раз доставшего выкидные клинки на традиционных танцах.

Листер ловит мой взгляд. Зачем-то подмигивает мне, скабрезно скалясь. Впрочем, никакого искреннего удовольствия от происходящего я в нём не вижу – вероятно, вызов Ивоны с Галеном был скорее превентивным жестом, уберегающим меня от не самых приятных последствий, чем забавой для того, чтобы просто мне досадить.

– Мы тренировались, Алин, – невинно отвечает на мой вопрос Ивона. – Просто… тренировались. Гален беспокоился, что не справится должным образом с моей шнуровкой на торжестве, – кто я такая, чтобы отказывать? Я и сама немного волновалась, так что…

Я очень надеюсь, что процесс смены шнуровки правда проходил в тренировочном, а не в постельно-игровом режиме. Углубляться в эти мысли мне не хочется, поэтому я поспешно говорю:

– Хорошо, это я понял. Но я всё ещё не понимаю, почему ты была в поместье Даскалу, когда туда приехала Нила, а не в…

– Очевидно, она там *жила,* – нетерпеливо закатывает глаза Листер. – Алин, не выспался сегодня или перегрузился от обилия новых впечатлений? На кой чёрт ей улетать в вашу благо-

[6] Draga – дорогой (*рум.*).

словенную Луизиану, когда через пару недель Гален будет демонстрировать результаты своих тренировок на весьма помпезной практике, а потом она переедет в наше славное родовое гнездо с концами в качестве доáмны Даскалу? Соображай, соображай быстрее. Нам бы уже по-хорошему двигаться с вещами внутрь, пока мои чары не развеялись и этот чёртов Дариус не решил снова оставить бедных фотоохотников без крова и углового балкончика. Какие ещё элементарные вопрошения у нас на повестке дня? Зачем они сюда приехали? Что ж, полагаю, Ивона хочет услышать правду, а Гален – мою отредактированную версию событий для наших отцов. Засим предлагаю приступить к делу. Итак, Гален…

«Услышать правду».

При всей моей любви к Ивоне я очень сомневаюсь, что эта правда придётся ей по вкусу. Возможно, это будет первый раз, когда Ивона меня в чём-то не поддержит.

– Передай домнуле Даскалу, что я уговорил Листера на дополнительные занятия по сопротивлению вампирскому гипнозу, Гален, – перебиваю я Листера. Смотрю на Ивону. – Скажи это и нашему отцу, Ивона. Скажи ему… скажи ему, что Алин очень не хочет возвращаться домой без этого навыка. Что по какой-то причине он считает его чрезвычайно важным и не будет чувствовать себя без него в безопасности, даже дома. Особенно дома. Думаю, он поймёт, о чём я.

Я не рассказывал Ивоне о том, что произошло в Кровавике. Не рассказывал о том, как отец использовал под сывороткой этот самый вампирский гипноз, чтобы приковать меня к скамье, заставить онеметь мой язык, контролировать всё моё тело вплоть до движения глаз – хорошо хоть не разум. Я понятия не имею, упоминал ли об этом отец, знает ли Ивона, что я наивно приехал в этот чёртов Кровавик, чтобы поделиться своими подозрениями насчёт разгуливающего по Брашову полнокровника, но получил то, что получил, – под молчаливое одобрение Гéнри Лазареску и медленное кипение Листера, который в конце концов не выдержал и поставил моего отца на место.

Листер смотрит на меня очень странным взглядом. Похожее выражение появляется и на лице Галена – определённо в курсе дела. Ивона?

Ивона слегка хмурится – явно озадаченная, но не раздражённая тем, что ей что-то неизвестно, а я не спешу её в это посвящать. Как обязательно нахмурилась бы Тома.

– Ну, это может сработать, – задумчиво говорит Листер. Молчит немного. – Если, конечно, ты не хочешь подумать ещё немного и всё-таки не ввинчивать эту шпильку, которая точно не обрадует домнуле Фунара…

– Домнуле Фунар не обрадуется ничему, кроме моего немедленного отъезда в аэропорт, – пожимаю плечами я. – А это, увы, как я уже сказал, пока невозможно. Я уверен, мы быстро управимся с моей маленькой просьбой, мастер Даскалу. Вы же такой талантливый инструктор. Несколько индивидуальных занятий – и гипноз мне не грозит.

– С несколькими занятиями ты, конечно, переоценил мои педагогические способности, – тянет Листер якобы серьёзно, но в его глазах загораются весёлые искры. – Если бы это было так просто, мне впору было бы открывать свою собственную академию. Директор Даскалу… А что, звучит неплохо, а?

– Вот как? Какая жалость, – отвечаю я без тени сожаления в голосе. – Значит, отцу придётся ждать немного дольше, чем я рассчитывал. Впрочем, я всё равно не называл никаких конкретных сроков.

Ивона с Галеном уезжают через полчаса – Ивоне о своей истинной цели я так и не говорю. Ивона её от меня и не требует – и все эти полчаса, пока Листер с Галеном перетаскивают наши вещи из Листеровской машины, а затем исчезают в недрах «Дворика», видимо, исследуя всё же предоставленную нам Дариусом комнату, мы просто стоим с Ивоной под то слабеющим, то вновь расходящимся дождём. Ивона мягко отмахивается от моего предложения зайти хотя бы в кафе, Ивона накидывает на голову капюшон куртки Галена, Ивона смотрит мне в глаза, словно

всё-таки чего-то ожидая, на что-то надеясь – а я смотрю на эту куртку и думаю: интересно, вшиты ли в её подкладку специальные крепления, покоятся ли в них выкидные клинки, ожидая своего часа, который, скорее всего, никогда не наступит?

– Береги себя, Алин, – говорит мне Ивона напоследок, обнимая меня перед тем, как последовать за Галеном в машину. – И не пропусти под обучающим гипнозом мастера Даскалу мою свадьбу. Я теперь знаю, где ты, – если что, приеду за тобой ещё раз.

А вот я не знаю, буду ли я здесь послезавтра или даже завтра. Тридцать минут я затапливал Ивону полной бессмыслицей, льющейся из моего рта: пространными рассуждениями о вампирском гипнозе, туманными прогнозами моих возможных успехов, полувыдуманными рассказами Июлиа́ны Соломо́н о её собственном осваивании этой непростой науки на втором курсе – тридцать секунд я смотрю, как Ивона садится в машину, Гален заводит двигатель, и внушительный автомобиль растворяется в дождевой завесе, вскоре потеряв в ней даже свет фар.

– Всё-таки не сказал? – как-то слегка отрешённо интересуется подошедший ко мне Листер.

– Нет, – просто отвечаю я. – А ты?

– Галену? – фыркает Листер. – Чтобы потом об этом узнала половина… хотя нет, почему половина, вся моя семья и дюжина других отделившихся от нас родов? В целом, им, конечно, до мытарств безродного Ферки Вульпе на этой грешной земле дела нет, как и не было бы дела до желания Фунарского наследника гоняться за похитившим его вампиром. Ты же не думаешь, что кто-то из моих поверит в эту сказочку о гипнозе? Хотя она, признаю, была уже поскладнее предыдущей.

– Главное, чтобы в неё поверили мои, – отвечаю я. – Ну так и почему бы не поделиться с любимым младшим братом настоящим положением дел, раз всем на всё так восхитительно наплевать?

– А почему бы не поделиться этим с любимой старшей сестрой, раз у вас с ней такая восхитительная гармония и взаимопонимание? – в тон мне спрашивает Листер.

– Потому что, – отвечаю я. – Ладно. Пойдём к твоему Дариусу. Постараюсь не слишком шокировать его продолжением дискуссии о фотоохоте.

– О, ты уж и впрямь постарайся, – усмехается Листер.

– Но меня всё ещё смущает… *всё*. Это либо величайшая издёвка, либо величайшая безвкусица – и я даже не знаю, что хуже. Хотя нет, знаю: то, что ты так и не объяснил, почему ты так уверен, что нам нужен именно этот «Дворик». Может, это просто…

– Алин, – скучающе прерывает меня Листер. – Кто здесь практик, я или ты? Это действительно «просто» – проще не придумаешь. Пара часов – и ты поймёшь всё сам.

– Пара часов? – Я вздёргиваю бровь. – Ловлю на слове.

– Лови, лови, – вздыхает Листер. – Здесь можно поймать и не такое…

Откровенный намёк на возможное нахождение нашего полнокровника, пусть и преподнесённый в Листеровской манере на язвительном блюдечке с недосказанной каёмочкой, почему-то меня успокаивает.

Хотя это вовсе не означает, что Листер отвертится от тонны созревших во мне вопросов.

Глава 2. Срочная доставка

В нашей комнате действительно стоит гроб. Точнее, три гроба.

А ещё точнее – три *кровати*-гроба: Дариус пожертвовал нам семейный номер, содрав с Листера за это некую «дополнительную плату», которая явно пошла ему в карман. «Это наша самая популярная конфигурация, у нас много гостей, приезжающих группами, и обычно мы берём плату по количеству проживающих, а не по типу номера… Да, так что, конечно, если бы вас было трое, нам было бы выгоднее…»

«Гробы», на самом деле, такие же никудышные, как и всё вокруг: якобы деревянные крышки сделаны из тонкого пластика и просто приварены к каркасам кроватей без каких-либо закрывающих механизмов, псевдобархатная обивка грязная и вся в прожжённых сигаретных точках, а постельное бельё, которое я нахожу в шкафу, покрыто незатейливыми и поблёкшими от старости и застиранности цветочками. Больше ничего «вампирского» в комнате нет – даже стол и стул в углу явно куплены на распродаже садовых принадлежностей и должны бы стоять на заднем дворе простецкого загородного дома, а не в номере мотеля, новоприбывших гостей которого приветственно называют «детьми ночи».

– Потрясающе, – только и говорю я.

Вход – с общего балкона, единственное узкое окно смотрит на уже изученный мной мусорный бак. Я не удержался и заставил Дариуса объяснить хотя бы отсутствие в большинстве помещений окон; к счастью, у Дариуса был готов ответ, и комната не ускользнула трагическим образом из-под нашего носа вновь. «Вампирам не нужны окна, домнуле, – подмигнул мне Дариус. – Они же боятся солнечного света. Но, поскольку у нас здесь не только вампиры, пара комнат с окнами всё же есть…»

Дариус, наверное, очень удивился бы, узнав, что настоящим вампирам нет никакого дела до солнечного света.

А может, он и сам это прекрасно знает и внутренне посмеивается над собственными конспиративными глупостями.

Листер уже бросил мои сумки на один «гроб», а свою, единственную, – на другой. Сумка кожаная, потёртая и небольшая – едва ли в половину одной моей. Я не видел, что Листер взял с собой из академии, и этот скромный размер снова неприятно режет глаза. Как и алая шнуровка Листера. Как и полное отсутствие на нём защиты, в том числе и сывороточной.

– И это всё? – интересуюсь я.

– Ну а что ты хотел за такую цену? – хмыкает Листер. – Королевские апартаменты? Или, скорее, гробницу фараона?

– Я имел в виду не это.

Листер прослеживает мой выразительный взгляд.

– Ничем тебе не угодишь, Алин, – печально цокает языком он. – А чего ты ожидал от меня, что я перетащу сюда половину своей квартиры? Уж не знаю, что у тебя в твоих баулах, но, кажется, я слышал что-то, очень похожее на шорох зимней куртки… Хочешь между делом покорить Трансильванские Альпы? Перестраховался. Летом там полностью сходит снег.

– Хочу узнать, неужели одной маленькой сумки достаточно для серьёзной охоты, – отвечаю я, с трудом сдержавшись, чтобы не ввернуть ответную шпильку. – И неужели ты не взял с собой хотя бы несколько запасных клинков? Одни футляры для моих занимают большую часть…

– О, так ты захватил ещё и пустые футляры? – умилённо улыбается Листер. – Алин, ну, это, конечно, максимально полезное снаряжение. До такого я и впрямь не догадался. Может, старею?

– Может, принимаешь меня за идиота? – не выдерживаю я. – Я думал, мы уже прошли этот этап. Ты так не хотел брать меня с собой, так сопротивлялся, так рекламировал этого полнокровника: «Алин, ты даже не представляешь, во что ввязываешься» – о, да, я и правда не представлял. Ни полнокровника, ни серьёзного отношения к ситуации с твоей стороны – только…

Листер начинает хохотать.

Веселье в его глазах начало плескаться с первых же моих слов – и достигло пика, разумеется, при упоминании о какой-то там «серьёзности». Действительно, что это такое? Уж точно не что-то существенное для Листера Даскалу.

– О, Алин, – говорит Листер сквозь смех, вытирая несуществующую слезу в уголке глаза. – Это восхитительно. Я начинаю жалеть, что не брал с собой студентов – если они реагируют на всё хотя бы с половиной твоей страсти… А ты хотел, чтобы полнокровник встретил тебя на пороге с клыками на шее Ферки и горой обескровленных тел вокруг? Что, ну что не так – мои шнурки? Ты поменял свои, молодец, но для чего? Думаешь, полнокровник не в курсе, что ты – Фунар? «Запасные клинки» – тоже отличное замечание от того же Фунара. Ты хоть представляешь, *что* с ними нужно сделать, чтобы сломать? Или это намёк на то, что вы в последнее время халтурите с материалами и лучше всегда возить с собой запасной комплект? Не волнуйся – моим клинкам уже двадцать лет, и поверь, они в полном порядке. А сыворотка – для чего она сейчас? Загипнотизировать Дариуса и заставить его отдать нам комнату бесплатно?

– Да, с Дариусом сыворотка не нужна, – сухо отвечаю я. – Но ты же не знал, что он будет здесь один – и мы не знаем, есть ли здесь кто-то ещё. Прямо сейчас. За соседней стеной. Кто-то, кто будет очень доволен тем, что ты так легкомысленно игнорируешь всю технику безопасности на полевых выездах.

– А теперь ты решил поменяться со мной ролями, – понимающе кивает Листер. – Мастер Фунар отчитывает непутёвого первокурсника Листера Даскалу, пропустившего мимо ушей все подготовительные инструкции. Алин, лучше подумай немного – не о том, какой я нерадивый жуир, а о том, как ты здесь оказался и кто тебя сюда пригласил. Было бы совсем здорово проанализировать предыдущие поведенческие модели приславшего эту пригласительную открытку, но это уже так – дополнительная задачка на высший балл. С тобой играли целый год, и ты правда рассчитываешь найти своего любезного друга «за соседней стеной» в первый же час? Нет, драга, так дела не делаются. Иначе что это будет за игра?

«Драга». Великолепно. Если Листер, услышавший ласковое обращение ко мне сестры, собирается использовать его для своих бесконечных подколок, моё терпение иссякнет в ближайшие минуты.

– Не стоит меня так называть, – говорю я сквозь зубы.

– Как? – невозмутимо спрашивает Листер.

– *«Драга»*. Это не твоё…

– …Слово? – насмешливо заканчивает за мной Листер. – Ба, Алин, ты теперь приватизируешь румынские слова? Тогда тебе надо в «Дворик Чаушеску», а не сюда. Давай проясним одну вещь. Я не послал тебя на хер, а стоило бы – но я внял твоим высосанным из пальца угрозам, я взял тебя с собой, я даже пытаюсь тебе что-то объяснить, хотя ты упорно отказываешься меня слушать – так что я могу называть тебя *как хочу,* делать *что хочу* и не предоставлять тебе мгновенных отчётов о каждом своём решении и…

– Нет, это я не послал тебя на хер, а стоило бы, – перебиваю его я. – Позволь напомнить – если бы не я, ты бы понятия не имел, что твой любимый Ферка не в очередном сывороточном трипе, а в плену у полнокровника, и ты уж тем более не знал бы, где его искать – если вообще спохватился бы до того, как он превратился бы в обескровленный труп с той «горы», которую ты так красноречиво упомянул.

Листер сужает глаза.

– Что ж, тогда позволь напомнить и тебе, из-за кого Ферка вообще попал в этот плен, – парирует он. – Чьи одержимые попытки разоблачить вампира, нелепейшая слежка за Ста́ном и триумфальное явление в Кровавик развеселили полнокровника настолько, что он добавил в свою пьесу новых действующих лиц, не подскажешь? Если бы ты игнорировал его, Алин, *как я тебя и просил,* не было бы нужды никого искать – по крайней мере, в том экстренном режиме, которым осчастливил меня ты. Напомню тебе один интересный момент, который ты, видимо, запамятовал: как инструктору этой проклятой академии мне *запрещено* охотиться в её окрестностях во избежание несчастных случаев и репутационной тени на мастере Хэнрике Лазареску. Твоего полнокровника рано или поздно выследил бы местный отдел отлова и обезвреживания, но нет – тебе совершенно необходимо было втянуть в это дело себя, своего однокурсника, своего инструктора и его дочь. Браво, браво. Удивительно, как это ты не прихватил с собой Ко́вач за компанию?

– Полнокровник явно «веселился» в окрестностях академии не один год, и никакие местные отделы… – Я обрываю себя. – Погоди. Какое отношение это имеет к Ниле? Я ей ничего не говорил. Я что, похож на…

– Алин, – вздыхает Листер. – Выгляни в окно. А ещё лучше – выйди сразу на балкон.

Мне не нравится его тон. Не нравится, как из него резко пропадает всякая издёвка. Всё, что я вижу в окно, – это мусорный контейнер, крошечный кусочек съезда к мотелю да окончательно почерневший под покровом ночи лес.

Я дёргаю дверь. Скромный козырёк не защищает от непрекращающегося дождя, наоборот, – потоки набежавшей на него воды тут же норовят вылиться мне на голову, но я не обращаю на это внимания. Я напряжённо оглядываю парковку – ничего. По-прежнему нет машин, кроме машины Листера. Я опускаю глаза – нет никого и у входа в кафе, красный неон освещает привычную пустоту.

– Лес, – подсказывает Листер.

– Что – «лес»? – раздражённо спрашиваю я. – Там ничего нет.

– Да ну?

– Хорошо, там ничего *не видно.*

– Да? – Листер задумчиво щурится, присматриваясь. – О, и правда. Но вот что я тебе скажу: десять минут назад, пока ты сверлил ненавидящим взглядом мои шнурки и требовал, чтобы я немедленно вколол себе сыворотку, чтобы всё стало *серьёзнее,* туда заехала очень интересная машина. С очень интересным пассажиром. А потом машина вдруг выключила фары, и пассажир стал смотреть на нас в бинокль. Уж не знаю, что она пытается здесь узреть…

Лес – одно чёрное пятно. Я не могу разглядеть в нём ни машины, ни даже начала дороги, по которому туда можно было бы добраться, как ни стараюсь. Я вглядываюсь и вглядываюсь. Вглядываюсь и вглядываюсь.

И тут я понимаю.

– Ты всё-таки под сывороткой, – медленно говорю я, переводя взгляд на Листера.

Никак иначе эту сверхъестественную зоркость не объяснить.

Листер открывает рот в дурашливо-радостной улыбке – и на моих глазах поверх его совершенно человеческих зубов вырастают крепкие вампирские клыки.

Я тупо смотрю на до боли знакомый скол на одном из них.

– Но по тебе… не видно, – говорю я ещё глупее.

– А должно? – насмешливо спрашивает Листер. – Что, вот так?

Его кожа становится тускло-белой.

– Или вот так?

Ярёмная вена под его подбородком подмигивает мне суховато-серым.

– Ладно, поиграли и хватит, – заявляет Листер, и его лицо возвращается к обычному цвету, а клыки неторопливо вползают обратно. – Если бы все полнокровники или охотники в вампирском статусе выглядели как вампиры, Алин, от этого не стало бы легче ни им, ни нам. Это вполне контролируемо. Конечно, если ты не малокровник – им на это силёнок уже не хватает.

– И зачем ты утверждал, что не под сывороткой? – только и спрашиваю я.

– Было любопытно увидеть твою реакцию, – просто отвечает Листер. – Скажешь ли ты себе: «Ладно, он практик, ему виднее, даже если это противоречит элементарной логике и здравому смыслу», или тебе всё же не понравится? Тебе не понравилось. Молодец. Реакция меня полностью удовлетворила. Никогда не стоит недооценивать противника – даже если тебе кажется, что уж сейчас-то он точно на тебя не нападёт. Ты бы знал, сколько опытных охотников попались на своей самоуверенности и мнимом понимании вампирской психологии. Так мы вытащим мою дочь из этого такси, пока она не намотала на счётчике миллионы, или у тебя есть ещё вопросы?

– Шнурки, – говорю я. – Тоже проверка?

– Нет, – усмехается Листер, похлопывая меня по плечу. – Со шнурками ты перестраховался. Запасные клинки у меня в машине. И запасная куртка с креплениями… И много других интересных вещей.

– А как насчёт полнокровника? – спрашиваю я. – Ты его чувствуешь?

Даскалу – один из немногих родов, в котором рождаются охотники, способные уловить в статусе вампира полнокровный душок, и Листер входит в их число.

– Нет, – качает головой Листер. – Пока нет. Ни одного. Но ты как будто сам можешь ответить на свой вопрос. Как там поживает твой первородный инстинкт?

– В полной гибернации, – отвечаю я. – Ладно. Идём к Ниле.

То, что в лес вообще есть какой-то съезд, и на этом съезде стоит такси, а в этом такси сидит Нила, я понимаю не сразу.

Листер идёт вперёд широким и уверенным шагом, почти не глядя под ноги и по сторонам; я же чуть не наворачиваюсь на ровном месте несколько раз, не спасает даже фонарик на телефоне. «Съезд» весьма символичный, просто засыпанная мокрым песком дорога, вскоре превращающаяся в две вполне уверенные земляные колеи – видимо, Дариус не соврал, и кто-то этим таинственным маршрутом для проникновения в лес пользуется, причём довольно активно. Неужели всё-таки обычные браконьеры? Вряд ли это направление может заинтересовать хоть какого-нибудь полнокровника – на то он и полнокровник, чтобы питаться вовсе не медведями и сернами.

Шумит дождь в густой листве над головами, скачет луч фонарика по плотной стене деревьев вокруг нас; мы часто выбирались с моими любимыми однокурсниками на пешие прогулки по Мэгу́ре и её полудиким (а местами и совсем диким) окрестностям, порой возвращаясь затемно и точно так же с помощью фонариков, потому что в горах смеркается рано, стремительно и непредсказуемо, но впервые я чувствую себя так неуютно. Может быть, дело в том, что в компании импозантного в своей придурковатости Флори́на меркнет вся негостеприимность ночи. Может быть, в том, что практически отовсюду была видна академия – пусть и стандартно гасящая почти все огни из-за большой нелюбви Генри Лазареску к лишним тратам не на свой позолоченный кабинет, но всё равно приглядывающая за любой точкой Мэгуры монументальной средневековой громадой. Здесь же есть только зловеще горящее кровавыми огнями за нашими спинами «мотель-кафе», в котором так и не прибавилось ни одного человека, кроме Дариуса – такая себе связь с цивилизацией.

Но вот наконец в поле зрения появляются очертания такси.

Небольшая машина, явно не рассчитанная на подобные водительские решения, кое-как съехала с дороги в проблеск буковых зарослей; колёса покрыты грязью до самого верха, а хмурый молодой румын за рулём, настороженно глядящий на нас, страдальчески морщится, когда луч моего фонарика скользит по его глазам.

Однако водитель интересует меня меньше всего: я успеваю заметить, что на заднем сиденье, по мере нашего приближения, мгновенно начинается какое-то движение.

«Успеваю» – потому что движение, собственно, заключается в том, что пассажир тут же ныряет вниз, откинув действительно зажатый в пальцах бинокль на соседнее сиденье.

Честно говоря, я до последней минуты надеялся, что Листер ошибся, что отцовская перестраховка сыграла злую шутку с его вампирским зрением и в машине находится кто угодно, только не Нила – однако вишнёвый всполох исчезнувших под светом фонарика волос больше не оставляет у меня сомнений.

– Вот чёрт, – говорю я.

Листер не говорит ничего – просто подходит к машине, останавливается у задней двери и с притворной задумчивостью заглядывает в окно.

Водитель напрягается ещё больше, явно не понимая, что происходит, – а Нила, судя по охватившей машину тишине, не намерена ему ничего объяснять.

Рука водителя тянется к держателю телефона.

– Всё в порядке, мы её… друзья, – громко и быстро говорю я – а потом соображаю, что едва ли стоит делать это на английском. Я перехожу на румынский, повторяя то же самое.

На водителя это дружелюбное заверение почему-то не действует, и телефон уже у него в руках. Что ж, я могу его понять – окружающая обстановка и двое появившихся из ниоткуда мужчин, проявляющих повышенный интерес к его машине, определённо не внушают доверия.

– Сунтем приетени ей[7], – пытаюсь я снова.

– Не трать на него время, Алин, он ничего не сделает, – машет рукой Листер, наклоняясь перед окном и упираясь ладонями в колени. – Маловероятно, что у этой колымаги вообще есть лицензия на оказание услуг – а значит, у меня может возникнуть логичный вопрос, какого чёрта в ней оказался ночью мой ребёнок… Нила, ку-ку. Per quanto tempo ci nasconderemo[8]?

Листер барабанит костяшками пальцев по стеклу; водитель переводит взгляд с меня на Листера уже в полном замешательстве, что-то спрашивает у Нилы, но заднее сиденье хранит стоическое молчание.

Я подхожу к Листеру, и перед моими глазами разворачивается дивная картина.

Нила сползла на пол, забавно-неловкой дугой изогнулось её тело, подпираемое выступающим карданом у спины, – но, тем не менее, Нила выжала из этой позы всё, что могла.

Её нога перекинута через другую, беспечно покачивается грубый чёрный ботинок с алой шнуровкой: тёмные и нехарактерно узкие для Нилы твидовые брюки в тонкую клетку задрались, обнажая обычно скрываемую ею шнуровку, но её как будто это не смущает. На длинной вороной шубке из искусственного меха, не слишком соответствующей погоде, бесстрастно скрещены руки с кроваво-красным маникюром, переливающимся в свете фонарика таким мерцанием, что ему впору посоперничать с неоновыми огнями «Красного дворика» и одержать сокрушительную победу; но больше всего мне нравится чёрная меховая панамка и огромные солнцезащитные очки, закрывающие половину Нилиного лица. На улице, конечно, похолодало до нетипичных для Румынии в это время года десяти градусов, но шубы и зимние шляпки – это уже перебор. Нила, при всей моей к ней любви, сейчас слегка похожа на городскую сумасшедшую – представляю себе лицо водителя, когда она потребовала заехать ночью в лес и начала разглядывать нечто в бинокль через тёмные очки.

---

[7] Suntem prietenii ei. – Мы её друзья (*рум.*).

[8] Долго мы будем прятаться? (*ит.*)

А это именно «нечто» – я оглядываюсь через плечо и прихожу к неутешительному выводу: смутный силуэт «Дворика» едва проглядывает сквозь бесконечную чащу деревьев, и бинокль смог бы приблизить разве что… одну из вывесок?..

– Интересный выбор наряда, доамна, – говорю я с улыбкой. – Вы, должно быть, держите путь на горнолыжный курорт?

Мне Нила, в отличие от Листера, отвечает сразу – но я ни черта не слышу через оконные стёкла.

– Он не под сывороткой, – лениво поясняет Листер. – Открой окошко, mia cara[9]. А ещё лучше – дверь, чтобы твой кавалер галантно помог тебе выйти, а твоя кредитка не ушла в минус от таксометра.

Нила бросает что-то таксисту, изящно щёлкает пальцами и указывает на окно рядом с нами.

Удивительно, но стекло послушно опускается, а таксист не задаёт никаких вопросов, хоть и продолжает буравить нас нервно-недоверчивым взглядом.

– Добрый человек согласился подвезти меня сюда бесплатно, ему всё равно по пути, – спокойно говорит Нила. Чуть сужает глаза, переводя их на Листера. – А вот не слишком добрый папочка зря разыгрывает здесь этот спектакль – моя кредитка не может уйти ни в какой минус, потому что кто-то заблокировал её, как только запихнул меня в объятия дяди Беттерса. Хорошо, что в этом мире ещё есть люди, способные проникнуться чужой бедой и помочь несправедливо брошенному ребёнку просто за искреннюю благодарность.

Я с сомнением смотрю на водителя. На вид он ровесник Дариуса, а его автомобиль – ровесник Дариусовского отца; как только сползло вниз стекло, на меня тут же повеяло застарелой затхлостью обивки. Водитель совсем не выглядит любителем ночных увеселительных поездок в Брашов, а «по пути» здесь только он.

И странно, как такой самаритянин оказался возле поместья Даскалу, где его и должна была выцепить Нила. Насколько я знаю, там нет вообще *ничего* – даже самой захудалой местной Мэгуры.

Я присматриваюсь к водителю внимательнее. Мне что-то не нравится в его глазах – не недружелюбность его устремлённого на нас взгляда, нет, это понятно.

Скорее, то, что скрывается под этим первым слоем недружелюбия.

Вернее, его *отсутствие.*

Взгляд молодого человека при ближайшем рассмотрении пуст и стеклянен. Никаких эмоций, кроме ожидаемой опасливости – никаких действий, кроме разглядывания нас. В его руке так и лежит телефон, по которому он почему-то не позвонил. С его губ так и не сорвалось ни одного вопроса к нам – только к Ниле. Он не сопротивлялся ни секунды, ничего не сказал, когда Нила приказала ему открыть окно, хотя наше присутствие явно всё ещё тревожит, если не пугает его.

– Листер, – едва слышно говорю я – настолько тихо, что уловить мои слова может только вампирский слух. – Гипноз?..

Я указываю глазами на водителя. Листер с любопытством смотрит на него.

– Гипноз? – моргает Нила. – Алин, ты думаешь, я его загипнотизировала? Ну, может быть, в каком-то смысле… Но я не давала ему никаких намёков, если ты об этом. Просто попросила. Правда-правда.

Чёрт. Видимо, получилось не так тихо, как я рассчитывал.

– Приспусти стекло, домнуле, – обращается Листер к водителю по-румынски. Водитель не реагирует; эмоция в его взгляде не меняется тоже. – Занятно. Нила, выходи-ка из машинки, быстро.

---

[9] Моя дорогая (*ит.*).

– Э, нет, рара́, не так сразу, – насмешливо сводит брови Нила. – Я никуда не выйду, пока мы не договоримся, *что именно* я буду делать вне этой «машинки». Подсказка: ни на каком такси я домой не поеду, и на твоей «машинке» тоже, и даже если ты вызовешь сюда всех своих друзей из академии, с ними я не поеду тем бол… Ой, Алин, что ты дел!..

Я не дожидаюсь конца списка «машинок», на которых Нила никуда не собирается; я дёргаю заднюю дверь на себя, благо она оказывается незапертой, а затем стремительно нагибаюсь, опираясь правой рукой на сиденье, а левой подхватывая с пола Нилу.

От неожиданности Нила даже не сопротивляется. Усилившийся салонный смрад причудливо смешивается с тяжёлым, терпким запахом её духов; Нилин парфюм всегда был ей не по возрасту, и стойкий вечерний аромат привычно ведёт мою голову, когда я одним движением вытаскиваю Нилу из машины.

– Отлично, – говорит Листер – и тут же забирается на переднее пассажирское сиденье. – Эй, приятель. Посмотри на меня. Давай, давай, не бойся. Хуже я тебе не сделаю.

Водитель медленно переводит на него взгляд – по-прежнему не произнося ни слова.

– Алин. – Из голоса Нилы стремительно исчезает веселье. – Что такое?.. Он был совершенно нормальным. Мы с ним болтали всю дорог…

– Откуда ты его взяла? – резко спрашиваю её я.

Нила непонимающе хмурится.

– Что значит откуда? Алин, ты забыл, откуда берутся *такси?* Я позвонила в единственную компанию, которая обслуживает то захолустье, где поселился дедуля с остальными Даскалу, они прислали машину – а потом я мило поморгала глазками и рассказала трогательную до усрачки историю о том, как бедная…

– Тебе дали номер такси? – перебиваю её я. – Прислали его на твой телефон?

– Ну да, но я его…

– Покажи мне.

Нила достаёт из шубки телефон. Открывает сообщения.

Я смотрю на номер машины. На экране и на регистрационном знаке.

На экране и на регистрационном знаке.

– …Не проверила, – тихо заканчивает Нила, глядя туда же, куда и я.

Номера разные. Это не опечатка – в них вообще нет ни одной одинаковой цифры или буквы.

– Листер, – повторяю я.

– Сейчас, сейчас, – отмахивается от меня Листер, всё это время вдумчиво изучавший повёрнутое к себе за подбородок лицо водителя. – Занятно… Занятно, занятно, очень занятно. Не дёргай меня, Алин. Это что-то крайне интересное. Кто ты такой, дружище? Расскажи мне всё. Как ты нашёл эту девушку? Кто тебе помог? Я бы очень хотел знать.

Голос Листера меняется – меняется и что-то в его глазах. Всепроникающая ласка и проникновенность окутывают всё вокруг почти осязаемым, густым, сладким, расслабляющим облаком; Листер говорит и смотрит на юношу так мягко и сочувственно, что мне и самому вдруг хочется сесть рядом – да хоть прямо на колени водителя, хоть на колени Листера – и впрямь рассказать ему всё. Всё-всё-всё. Меня зовут Алин Фунар, и я – потомственный охотник на вампиров…

– Гипноз, – дёргает меня за руку Нила. – Алин! Ради всего святого, он же даже не старается! *Алин! Посмотри на меня, а не на него, сейчас же!*

Я вздрагиваю. Оклик Нилы рывком оттаскивает меня назад требовательным обвязавшимся вокруг моего туловища канатом, вмиг вырывая из нежащих пут Листера – и словно выливая на голову ведро ледяной воды. Я даже не заметил, что в блаженном забытьи уже сделал несколько шагов к водительскому сиденью, осоловело глядя на Листера.

– Да нет, – рассеянно говорю я. – Старается.

Потому что, похоже, не старался Листер раньше – когда в очень похожем тоне разговаривал с Дариусом. Какую-то лепту в получение нами комнаты вампирский гипноз всё же внёс.

– М-да, – тянет Нила. – Тяжело тебе придётся, когда у вас начнутся основы…

Нила вновь не договаривает, приглушённо охнув, – на этот раз дёрнуть её на себя приходится мне.

Иначе она имела бы все шансы оказаться под колёсами огромного пикапа, внезапно вынырнувшего из-за поворота.

Пикап проносится мимо нас на бешеной скорости, забрызгивая мои штанины грязью. У пикапа не включены не то что поворотники – просто фары, а из широкого чёрного прямоугольника открытого кузова выглядывает медвежья пасть.

Три рослые мужские фигуры, сидящие там же, поворачивают вслед нам головы. Я успеваю разглядеть, что медведей там не один и не два, кузов явно набит медвежьими трупами под завязку, – а потом пикап ускоряется и исчезает.

– Ого, – говорит Нила из-за моей спины, куда я её предусмотрительно оттолкнул.

И не зря: через десяток секунд картина повторяется.

Пикапы пролетают один за другим; в общей сложности нас минуют пять абсолютно одинаковых машин с абсолютно одинаковыми пассажирами – разница лишь в наполнении кузовов. Помимо медвежьих голов я замечаю рога и даже что-то очень напоминающее волчьи хвосты, хотя популяция румынских волков ощутимо малочисленнее медвежьей.

Странная процессия заканчивается меньше чем за минуту. «Фотоохотников» в одних кузовах я насчитываю около дюжины – а ведь кто-то ещё сидит внутри.

И что, такое здесь каждый день?

Или мы попали на какой-то беспрецедентный охотничий улов?

– Отмена, – говорит Листер из такси. – Расслабляйся, Алин. Но ситуация всё равно презабавная.

– Не гипноз? – поворачиваюсь к нему я, вмиг забыв о пикапах и медвежьих головах.

– Ну, как тебе сказать… – тянет Листер. – А впрочем, пусть он сам тебе и скажет. Повтори всё ещё раз, приятель. Мне очень понравилось тебя слушать. У тебя так хорошо получается. Сделаешь это ещё раз для меня?

У Листера довольно… своеобразный подход к гипнозу. Не то чтобы я видел так много его демонстраций от опытных охотников, но мой скромный опыт подсказывает, что обычно вампирский гипноз применяется несколько иначе. С жертвами никто по-настоящему не *разговаривает,* тем более в такой ласковой манере. Да это и не нужно: при должном обладании этим навыком достаточно просто на человека посмотреть, а дальше всё остальное сделает твой взгляд – и, разумеется, твоё желание. Помнится, однажды, в начале учебного года, Листер вскользь обмолвился, что гипноз он то ли не любит, то ли не практикует, то ли вообще не очень хорошо в нём разбирается. Может, в этом и дело?

Как бы то ни было, с юношей у Листера проблем явно нет – да и, к сожалению, со мной. Идиотское вожделение вновь проникает в мои мысли мнимо-ненавязчивой, обвивающей самые потаённые уголки шёлковой лентой: Листер хочет, чтобы я что-то ему повторил. Листеру нравится меня слушать – а мне нравится с ним говорить. Но о чём мы говорили?.. Я почему-то не могу вспомнить, и это очень меня расстраивает. Как же так? Неужели я не смогу ему помочь? От этого опасения я начинаю чувствовать себя просто ужасно. Нет, нет, нет, я вспомню. Точно вспомню. Нужно лишь… немного напрячься, и…

– Алин, смотри *на меня,* – холодно говорит Нила – и её пальцы впиваются в моё запястье такой требовательной и недовольной хваткой, что уже, казалось, оплётшая всё, что можно и нельзя, Листеровская лента снова позорно вылетает из моей головы. – Ты смотришь *на меня* и слушаешь *только меня.* Ну, ещё этого молодого человека… Но *не Листера.* Может, ты как-

нибудь закончишь с этим? Всех вечно кроет от твоего дерьмогипноза – это вообще никак не отрегулировать?

– Увы, – без всякого чувства вины в голосе отвечает Листер. – Никогда не был особо хорош в точечной работе – ты же знаешь, выше «удовлетворительно» по основам вампирского гипноза и контроля я не получал.

Я энергично мотаю головой, прогоняя последние остатки наваждения. Мой взгляд падает на юношу за рулём – и лицо у него одуревшее уже настолько, что мне становится его жаль. Кажется, у него сейчас потекут слюни изо рта. Да, тонкой работой здесь и не пахнет. Вот и первая слабая сторона Листера Даскалу – хотя, если подумать, гипноз в полевых условиях не так уж и необходим: «перегипнотизировать» полнокровника, оттачивавшего эти умения десятилетиями, если не столетиями, – задача для тех, у кого этот дар в крови.

Что забавно, потому что я знаю ровно две высокородные семьи с врождённой склонностью к вампирскому гипнозу – и это не кто иные, как Ко́ппели и Трипо́ны. Учитывая то, что из Коппелей – моя мать, а из Трипонов – мать Листера, как-то трагически хромает что использование этой способности со стороны Листера, что противодействие ей – с моей.

Остаётся загадкой, как ей не поддалась Нила, имеющая весьма скромную охотничью родословную: охотница во втором поколении – это для нашего ремесла практически ничто, и Нила должна бы не пререкаться с Листером, а смотреть на него таким же бестолково-одурманенным взглядом, как водитель такси.

– Понятия не имею, – пожимает плечами Нила, поймав мой задумчивый взгляд. – Хорошая генетика? Листер говорит, мамуля хорошо справлялась с гипнозом. У неё-то по нему всегда было «отлично».

– Да, несложно с ним справляться, когда большую часть времени ты находишься под сывороткой, – кивает Листер. – Задачка без звёздочки. Ну что, я могу наконец перевести его в сюжетный режим, или вы так и будете нам мешать? Сомневаюсь, что Алину помогут именно такие тренировки с гипнозом…

Я киваю тоже – и тут до меня кое-что доходит.

Боже мой. По швам начинает трещать и эта легенда – хорошего же я выбрал наставника в делах гипнотических с такими вводными данными. Надеюсь, мой отец не знает о его скромных успехах на этом поприще – он старше Листера на десять лет, и во время учёбы в академии они не могли пересечься никак, но вдруг…

С другой стороны, я не говорил, что Листер собирается учить меня вампирскому *гипнозу* – только противодействию. А противодействовать у меня есть чему. Как и, возможно, половине постояльцев «мотеля-кафе», если Листер снова решит использовать там гипноз. Но отец ведь не знает, где именно мы будем «практиковаться», верно?

Листер пристально вглядывается в лицо юноши. На его собственном лице – выражение полной страдальческой сосредоточенности, напряжены брови, подёргиваются беззвучно бормочущие что-то губы; на этот раз, вероятно, гипнотическое послание он всё-таки пытается сфокусировать. Не могу сказать, что это получается у него идеально: даже не слыша его слов и желаний, я всё равно мгновенно хочу ему *подчиниться* и всё *исполнить* – но Нила вновь предостерегающе встряхивает меня за руку, и я спохватываюсь прежде, чем навеянные чужой волей побуждения овладевают мной окончательно.

Всё время, пока юноша рассказывает свою историю, я действительно смотрю на Нилу, и только на неё. Стратегически верное решение: забывшись, Листер начинает подсказывать и помогать юноше вслух, и две будто равные силы – вишнёвые глаза Нилы и мягкий голос Листера за спиной – всё же нет-нет, да тянут меня в разные стороны. Лениво, не слишком усердно. Так – словно прощупывая почву.

А история правда стоит того, чтобы её услышать. Хотя бы для того, чтобы сказать в конце…

– Какой-то бред, – вырывается из меня.

Если верить его словам, юноша работает в доставке «Макдоналдса» и именно поэтому он в поместье Даскалу и приехал – привезти кому-то из многочисленной семьи Листера заказ. А по дороге увидел Нилу, ожидавшую за воротами, остановился, выслушал уже её печальный сказ, который почему-то не может вспомнить, как ни старается, – и тут же согласился бесплатно подвезти её в прямо противоположном от клиентов и даже собственного дома направлении.

– Бред, – повторяю я. – Полный… Листер, ты уверен, что он под гипнозом *сейчас?*

– Ага, – спокойно отвечает Листер. – Алин, ты сомневаешься в силе моего гипноза? Серьёзно? По-моему, ты уже неплохо его прочувствовал.

Бесспорно. Но «прочувствовать» и «поддаться» – немного разные вещи. Кто знает, может, гипноз Листера ещё хуже, чем я думал, и вместо правды он заставляет жертв нести отборную чушь?

– Скажи ему, чтобы открыл багажник, – говорю я.

В машине что-то щёлкает.

Из багажника на меня действительно смотрит внушительных размеров картонный пакет с узнаваемым логотипом.

Нет. Всё равно – бред.

Я решительно срываю с пакета пломбировочную наклейку.

– М-м-м, – вдруг тревожно оживляется юноша.

Отлично. Значит, там-то собака и зарыта.

– Алин, – почему-то весело зовёт меня Листер. – Алин! Может, ты…

В пакете как будто и впрямь еда – по крайней мере, *упаковки* от неё. В которых может быть что угодно. Меня таким не обмануть – и я принимаюсь вскрывать коробки от мнимых гамбургеров.

– М-м-м! – продолжает издавать протестующие звуки юноша. – М-м-м, м-м-м, м-м-м!..

– Фу! – отшатывается последовавшая за мной к багажнику Нила: ей под ноги вываливается дюжина вышвырнутых мной из упаковки наггетсов. – Алин, зачем ты разбрасываешь еду!..

– Потому что это не еда, – отвечаю я, вытряхивая на землю картофель фри. – Или не только еда. Или *не совсем* еда… Да, точно. Об этом я и не подумал.

– Алин. – Голос Листера начинает дрожать от смеха. – Али-и-ин…

В моих руках как раз нечто, выдающее себя за ролл с креветками, – но мало ли, на что это похоже визуально? Нила рассказывала мне, что Ферка часто получал свою незаконно добытую сыворотку именно в таком виде, – в пищевой обёртке, засунутую глубоко внутрь невинной на первой взгляд булочки. Но *как именно* они её туда запихивали? Может быть, пузырёк с сывороткой замаскирован под панированную креветку? Или просто покоится на самом дне?

На землю начинают сыпаться листья салата айсберга – креветки я предусмотрительно оставляю напоследок.

– *АЛИН!* – неожиданно рявкает Листер совсем не человеческим голосом.

Я дёргаюсь, многострадальный ролл едва не вылетает из моих пальцев целиком.

– Тебя заносит, – миролюбиво говорит Листер, высунувшись из окна. – Хватит насиловать продукты. Он не перевозил в них… что бы ты там ни искал. Это просто фастфуд. А молодой человек очень переживает, что ты столь суров к заказу, за который он отвечает. Он и так сорвал со своей очаровательной спутницей все сроки доставки.

– Он не говорил мне, что курьер из Макдака, – кривится Нила, брезгливо отходя от рассыпанной по лужам картошки. – Он вообще мало что мне говорил. Говорила в основном я.

– И почему я не удивлён, – хмыкает Листер.

– Ты же не веришь в эту чепуху? – раздосадованно спрашиваю я. – Разносчик из «Макдоналдса» бросает все свои дела и везёт Нилу сюда за доброе слово, а потом стоит в лесу с выключенными фарами неизвестно сколько времени, пока она смотрит на деревья в бинокль?

– Во-первых, не «неизвестно сколько», а минут десять, – заявляет Нила. – Во-вторых, я смотрела не на *деревья,* а на ваш номер, Алин. И прекрасно всё там увидела – ну, например, откуда мне знать, что там не кровати, а какие-то хреновы гробы?

– Ты… – Я озадаченно моргаю. Смотрю в сторону «Дворика» ещё раз – нет, невозможно, определённо невозможно. Я не могу разглядеть его сейчас – не разглядел бы и не то что в бинокль, в телескоп. – …Посмотрела фотографии на сайте?..

– И, в-третьих, – не обращая на меня внимания, продолжает Нила, – ума не приложу, почему тебя так шокирует, что кто-то готов бросить ради меня все свои дела и отправиться на край света. Да это даже не край света, Dio mio[10]

[10] Боже мой (*ит.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.